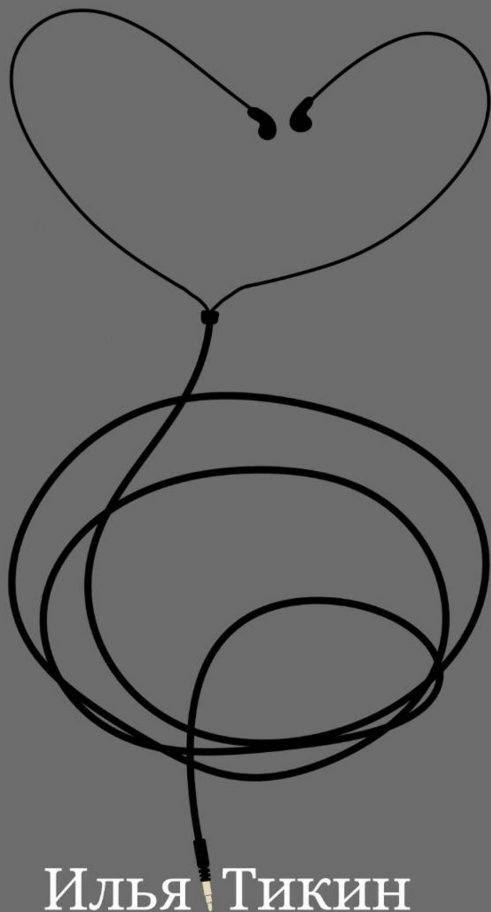

Мечтают ли думеры
о ванильном рафе?

Илья Тикин

18+

Илья Тикин
**Мечтают ли думеры
о ванильном рафе?**

<https://litres.ru/73891979>

SelfPub; 2026

Аннотация

Одинокий парень Миша работает на заводе в ночные смены, а в выходные коротает вечера в кофейне. Остается лишь узнать: зачем он туда ходит? «За кофе!» — скажете вы, конечно, и будете правы, но только отчасти. В этих походах есть еще кое-что, о чем Миша молчит, боясь показаться странным.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	30
Глава 4	38
Глава 5	48
Глава 6	64
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Илья Тикин

Мечтают ли думеры о ванильном рафе?

Глава 1

Открыв глаза, я никак не могу сообразить, где нахожусь. В комнате царит полумрак. С трудом различаю силуэты старого лакированного шкафа, висящей под потолком хрустальной люстры, заваленного одеждой кресла. Осознание приходит довольно быстро, но встать мне совсем не хочется. За окном почти стемнело, или стемнеет с минуты на минуту, и город погрузится в темную зимнюю ночь.

Лежу, смотрю в потолок, думая, чем себя сегодня занять. Наступил выходной, никаких планов и дел нет, а это значит, что сегодня я полностью свободен и принадлежу сам себе. Впрочем, как и всегда. Продолжая лежать на кровати, я беру телефон, всегда лежащий рядом. Проверяю в социальных сетях сообщения — ничего. Мне никто не написал, да и написать не мог, что несколько не удивительно, но я не теряю надежды, проверяя входящие каждый раз, как проснусь. Провалившись еще полчаса, неохотно поднимаюсь на ноги. Первым делом иду на балкон. Дурацкая привычка — курение,

которую я давно хочу оставить в прошлом, но все никак не могу собраться с силами и решиться, а потому продолжаю курить, постоянно откладывая очередную попытку бросить на потом. Впрочем, как и многие другие заядлые курильщики.

В открытое окно врывается свежий воздух, ледяной ветер задувает в лицо, снежинки падают на подоконник и сразу тают. Бездумно смотрю на улицу. В окнах соседних домов горит свет. В них теплится жизнь: там то появляются, то исчезают тени людей. По дороге едут машины, по тротуарам идут пешеходы. С неба медленно падает снег, заваливая город. В белоснежных сугробах отражается свет фонарных столбов. Голова начинает кружиться, во рту появляется сухость, тело дрожит от холода. Такое вот незатейливое начало нового дня.

Удовлетворив свою слабость, я иду умываться, а после в спешке собираюсь на улицу: мне очень хочется успеть заскочить в одно место, пока не поздно. Одеваюсь я просто: джинсы и худи — вот и весь мой гардероб. Хорошо, что кресло большое, можно аккуратно положить одежду, и она не помнется, хотя стоило бы, наверное, убирать ее в шкаф, где почти ничего нет, кроме хозяйского балахла. Накинув куртку, я еще несколько раз прохожусь по квартире, осматривая выключатели и розетки. Такой уж я человек: порой бываю тревожным, иногда даже слишком. Убедившись, что все выключено, выхожу в подъезд, где от шума включается свет.

Закрываю дверь, дергаю несколько раз за ручку и сбегаю по ступенькам.

На улице меня встречает местный пьяница, который называет меня Артемом, хотя родители называли меня Мишей, но я не поправляю его. Пусть называет как хочет.

— О, Артем, здорово!

— Здравствуйте! — отвечаю я.

— Как жизнь? — спрашивает он и тут же добавляет: — Угостишь сигареткой? Целый день не курил...

Пока он рассказывает о том, как целый день страдал без сигарет, я достаю из кармана пачку и отдаю ему в руки. Он жалостливо на меня смотрит и спрашивает:

— Можно две?

— Конечно, — отвечаю я. А как отказать такому милому и сердечному человеку? Никак! Вот я и иду дальше, сделав доброе дело — помог нуждающемуся.

— Удачи! — кричит он мне.

— Удачи! — отвечаю я, оборачиваясь, но он уже скрылся за дверью подъезда.

Вставляю наушники и иду на остановку. Я совсем не могу гулять без музыки. Кажется, пропади она — жизнь тут же потеряет все краски, став окончательно серой и пустой. Музыка всегда со мной: дома, на улице, в транспорте. Как жаль, что на работе нельзя слушать песни, иначе я бы отдавался любимым мотивам и там.

Топаю на остановку привычной дорогой через дворы ти-

повых пятиэтажек, которыми застроен весь этот район. Живут тут рабочие люди, а если быть точнее — пенсионеры, получившие квартиры от заводов в недавнем советском прошлом. Сейчас они живут вместе с детьми и внуками, ютятся в маленьких квартирках. Я знаю, что они хорошие люди, жаль только, что многие из них слишком много пьют. Их часто можно встретить во дворах, особенно в теплое время года, когда они собираются на лавочках и гудят до глубокой ночи — это их главная беда и трагедия всей жизни. Единственное преимущество этого места — низкая цена аренды, поэтому я и живу тут.

Как хорошо, что стоять на остановке мне пришлось недолго: очень скоро приехал автобус и увез меня в центр города. Салон общественного транспорта зимой представляет собой грустное зрелище: весь пол в слякоти, окна забрызганы грязью, а освещение такое слабое, что невозможно разглядеть сидящего напротив человека. Пассажиры сидят хмурые и неприветливые, но их можно понять, ведь я и сам возвращаюсь с работы не слишком-то улыбочивым.

В наушниках играет музыка. Смотрю через грязное окно на улицы вечернего города. Мимо проносятся серые панельки, пестрые новостройки, торговые центры и заправки. По тротуарам идут пешеходы, встречный поток машин едет с работы, возвращаясь в спальные районы, а я — наоборот.

В центре всегда красиво: там на фасадах зданий причудливая лепнина, тротуары очищены от снега, везде развеша-

ны украшения к новогоднему празднику. А еще там есть кофейни, где всегда можно приятно провести вечер.

Выйдя из автобуса, я иду в сторону площади. Такая площадь, наверное, есть в каждом городе — это то место, где проводят массовые гулянья, отмечают праздники всем городом, устраивают парады на День Победы, а зимой заливают большую ледяную горку для детей.

Мимо меня проходят люди, иногда встречаются целые семьи. Семейные люди выглядят счастливыми: ребяташки задорно смеются, наслаждаясь беззаботным детством, родители тепло общаются между собой, они явно любят друг друга — счастливые люди, нашедшие в семейной жизни свое тихое пристанище и покой. Что тут еще скажешь?

Если честно, зависимость у меня далеко не одна. Помимо сигарет, мне очень сильно нужен хороший кофе — это одно из самых больших удовольствий в моей жизни, ради которого стоит жить, да и работать стоит. Так что, подобно лошади из стихотворения Маяковского, я каждый выходной бегу в кофейню, разве что весело не ржу и не машу хвостом.

До последнего не выключаю музыку, снимаю наушники, оказавшись внутри. Тут тепло и уютно, особенно после холодной улицы. Чудный аромат недавно смолотого кофе наполняет небольшое помещение, пробуждая желание поскорее сделать глоток из стакана. Тут меня всегда встречают люди, которые, кажется, не против пообщаться с назойливым гостем о всяких глупостях и пустяках. И мне остается лишь

надеяться, что им действительно интересно со мной разговаривать, а не работа их к этому принуждает, хотя в последнее мне верится гораздо больше.

— Здравствуйте! — громко здоровается девушка, стоящая за стойкой.

— Здравствуйте! — отвечаю я, хотя эти формальности совершенно ни к чему. Я прихожу сюда каждый выходной и давно знаю каждого, кто тут работает, а они — меня.

Заказав кофе, я сажусь за барную стойку. В кофейне тихо играет музыка. Как мне кажется, у тех, кто подбирает эти плейлисты, совсем нет музыкального вкуса: песни скучные и нисколько не запоминаются. Наверное, их единственная задача — создавать шум на фоне, чтобы посетители не сидели в тишине, но даже с этим они справляются с горем пополам.

Девушка готовит, а я с нетерпением жду свой напиток, с интересом наблюдая за ней. Хотя почему девушка? Ее зовут Соня. Она работает тут достаточно давно, гораздо дольше, чем я сюда хожу. Мы хорошо знакомы и часто подолгу болтаем, особенно зимой, когда тут часами нет никого, кроме меня. Мы каждый раз словно заново привыкаем друг к другу, соблюдая формальности поначалу, а после общаемся легко и непринужденно. Минута-другая — и рядом со мной появляется стакан с кофе. Что за волшебство!

Я тихо сижу, пока Соня убирается. Жду, когда она освободится. Монотонно играет музыка. От горячего напитка поднимается пар. Мои мысли окутывает туман, приходит стран-

ное чувство умиротворения и спокойствия. В этом состоянии я просидел бы вечность. Только бы не остывал напиток.

Соня заканчивает дела и садится напротив. Делает глубокий вздох, очень театральный, но забавный, и начинает улыбаться. Что мне в ней нравится: она никогда не будет сидеть в тишине и ждать не пойми чего, как это делаю я. Она никогда не станет притворяться, что видит меня в первый раз, и соблюдать формальности ради напускного приличия долго не будет.

— Ну привет!

— Привет! — отвечаю я, чувствуя, что на губах невольно появляется улыбка. Вот у меня так всегда: стоит проявить ко мне немного внимания, я тут же начинаю глупо улыбаться, но совсем не могу подобрать слов, из-за чего часто выгляжу вежливым, но холодным.

— Как жизнь?

— Отдыхаю, — говорю и чувствую, что надо сказать что-то еще, а то будет неловкая пауза, поэтому добавляю: — Наконец-то выходной. А у тебя?

Соня улыбается, кажется, она чуть ли не смеется. Могу поспорить, что смеется она надо мной. Да уж. Поговорили. Конечно, она знает, что сегодня у меня выходной, ведь я снова пришел сюда, о чем сам же тысячу раз говорил ей.

— А у меня нет, как видишь! — иронично улыбается она.

Чувствую себя пристыженным. Что ни говори, а собеседник из меня, мягко говоря, так себе. Поделом мне. Наверное,

именно про таких, как я, говорят: «Молчи — умнее будешь».

Будь кто-либо другой на ее месте, я бы тут же умер со стыда. Только смотря на Соню, на то, как она улыбается и смеется, а глаза при этом складываются в хитрый и задорный прищур, я начинаю смеяться сам. Чувствую, как тепло расходится по телу во все стороны. Словно оттаиваю после холодного зимнего вечера за дверью. Сам не знаю, над чем смеюсь, если честно: над собой ли, а может, меня рассмешила Соня или просто счастье разлилось во мне вместе с теплом — не знаю.

Дальше разговор складывается сам собой. Пусть он скучный и банальный, но для меня самое главное — живой. Лучше говорить о всяких пустяках, чем прятаться в телефонах или как-нибудь еще, делая вид, что сильно занят и не замечаешь человека, сидящего напротив.

— Хорошая погода сегодня, — самое глупое, что я вообще мог сказать, и, кстати, каждый раз говорю, если на улице действительно хорошо. Несложно догадаться, что я говорю, когда погода плохая.

Соня тут же подхватывает:

— Да! — возмущенно говорит она. — Стоит мне выйти на работу — погода супер, а как выходные дни, так апокалипсис: метели и морозы!

Я смеюсь. Она часто говорит, что природа к ней несправедлива. Летом досаждают дожди, зимой — морозы. Наверное, для такой общительной девушки настоящая пытка —

быть запертой в выходные дома.

Сию, таю, как сугроб в апреле, глядя на ее нежную улыбку. Болтаем мы на протяжении двух-трех часов. Обсуждаем всякие безделушки, которыми наполнены наши жизни, но оттого разговор не становится скучным. Сколько мы общаемся, столько и узнаем друг друга, каждый раз открываясь по-новому, и каждый раз мне интересно ее слушать. Невозможно узнать человека за три часа, как и рассказать ему о себе, учитывая, что меня сковывают дурацкие формальности. Такое знакомство, конечно, нельзя назвать естественным: я навязался в собеседники, а Соня попросту была не против — по крайней мере, мне в это очень хочется верить.

Стакан давно стоит пустым, даже остатки на дне высохли. Не успел я опомниться, как время перевалило за восьмой час. Соне пора бы начинать собираться, а мне ужасно не хочется расставаться, хотя я прекрасно понимаю, что ей нужно готовиться к закрытию.

— Ого, как поздно, — говорю я, взглянув на экран телефона.

— Да, — вздыхает Соня. — Уже уходишь?

— Пойду, наверное.

С трудом встаю из-за барной стойки: ноги совсем затекли. Не спеша собираюсь, достаю наушники из кармана. За окном все так же медленно падает снег, улицы совсем опустели. Соня лениво встает со стула и начинает убираться.

— Хорошего вечера! — говорю я, подходя к двери.

— И тебе, — тихо отвечает она, улыбнувшись на прощание.

За дверью меня встречают улицы ночного города, бескрайние ряды домов уходят вдаль до самого горизонта. Свежий и морозный воздух ударяет в лицо, словно пробуждая меня после сладкого сна. Закуриваю и отправляюсь в путь. Ехать домой совсем не хочется, так что иду гулять по заснеженным улицам. Ноги тонут и вязнут в снегу, но ничего страшного — мне не привыкать. Снег медленно засыпает город. В наушниках играет любимая музыка. Улицы пусты, лишь редкие прохожие проплывают мимо, словно тени, да машины пролетают по дороге, мелькая светом фар. Светофор на перекрестке переключается с красного на зеленый.

Мои мысли комкаются и обрываются. Хотя это даже не мысли, а просто наивные мечты, и едва ли они когда-нибудь сбудутся. Фантазирую свое будущее и переиначиваю его то так, то эдак. Мне это нравится. Там, в будущем, пусть и выдуманном, я счастлив. Кажется, счастлив как никогда. Песни переключаются, мои мечты подстраиваются под плейлист. Сюжеты меняются, но суть остается неизменной. Пусть они абсурдны, пусть местами приторно сладки, но разве плохо мечтать? Нет, наверное.

Перекресток за перекрестком, квартал за кварталом — и я оказался в отдалении от главной площади. Это все еще центр, но теперь тут в основном жилые дома. Тротуары почищены хуже, идти все тяжелее. Света стало гораздо мень-

ше: тут нет новогодних гирлянд, фонарей будто бы меньше, да и в окнах свет начинает гаснуть — люди ложатся спать. Редкие прохожие кажутся подозрительными, машины вызывают недоверие. Делаю музыку чуть тише. Светофор вдалеке на мгновение загорелся желтым, а после начал им моргать, и так по всей улице, уходящей вдаль. Скорее всего, Соня уже давно закрыла кофейню и уехала домой.

Встаю на ближайшей остановке. Закуриваю. Надеюсь, последний автобус еще не уехал и мне не придется идти до дома пешком. Стопы в кроссовках начинают стынуть. Мороз щиплет ноги через джинсы. Лицо горит. Снег перестал идти, оставив после себя заваленные тротуары и пушистые, блестящие в свете фонарей сугробы. Музыка продолжает играть. С надеждой посматриваю вдаль, на дорогу. Поглядываю на часы: каждая минута тянется невероятно долго. Наконец-то вижу вдалеке ярко-оранжевую полосу света — информационное табло на лобовом стекле автобуса. Надеюсь, это мой.

Сегодня удача оказалась на моей стороне. Сажусь в пустой автобус: кроме меня и кондуктора, в салоне никого нет. Окна настолько забрызганы, что через грязь не видно города, так что остается только смотреть себе под ноги. На полу лужи из талого снега и песка. Через наушники слышен гул двигателя. Едем быстро, но встаем на каждой остановке. Двери каждый раз открываются, но никто не заходит, кроме холодного воздуха, который я чувствую ногами через джинсы. Уставший

кондуктор засыпает на своем месте, но как только голова начинает опускаться вниз, он тут же открывает глаза и озирается по сторонам.

Несколько песен — и я уже на своей остановке. Двери за моей спиной закрылись. Заревев мотором, автобус унесся в ночь. Иду обратной дорогой: через дворы хрущевок к своему дому. Идти тяжело: стопы словно песком набило. На улице ни души, в окнах почти не горит свет. Очень скоро оказываюсь возле своего подъезда. Прикладываю ключ, домофон пиликает, дверь с грохотом закрывается за мной, и на всех этажах включается свет.

Захожу домой, закрываю дверь, включаю свет в коридоре. Дома тепло и тихо, только холодильник шумит на кухне. Окоченевшими руками снимаю кроссовки и иду вешать мокрые носки на батарею. Выхожу на балкон покурить, пока закипает чайник и включается компьютер. На пустых городских улицах жизнь словно остановилась. Опустели тротуары и дороги. Стоит тишина. Слышно только, как гудят фонарные столбы. Высоко на черно-синем небе висят одинокие звезды.

Заварив чай, сажусь перед монитором. Перекидываю наушники с телефона на колонки компьютера и включаю музыку. Поздно, но такой у меня режим: днем я обычно сплю, а ночью сижу за компьютером или работаю. Бездумно листаю ленты в социальных сетях. Ничего нового и интересного: новости, анонсы, обзоры, смешные картинки, фотографии ко-

тиков. Проходит час, следом — другой. Выпиваю первую кружку чая, следом — вторую. Постоянно выхожу на балкон курить.

Время тянется, но это только поначалу. Вскоре я снова погружаюсь в мечты. Теперь они не такие радужные, как те, что были на улице. В этих больше нет столько счастья. Это мечты с поправкой на реальность: когда осознаешь, что слегка замечтался, и решаешь опуститься на землю: «Пусть будет хотя бы так, если иначе невозможно». В них нет ничего приторно сладкого, теперь они немного горчат, но горечь тоже может быть приятной и вкусной. Как в том же самом кофе, например.

Погрузившись в наивные мечты о будущем, я не заметил, как прошла еще одна ночь. Выйдя в очередной раз на балкон, замечаю на улице прохожих, слышу шум машин. Время седьмой час утра. Город просыпается, а мне пора ложиться спать.

Глава 2

Второй выходной у меня начинается раньше, чем первый: обычно я просыпаюсь в первом или во втором часу дня, когда на улице еще светло и времени для прогулки предостаточно. А в остальном новое утро ничем не отличается от предыдущего, разве что я никуда не тороплюсь, ведь спешить некуда. Как обычно, захожу в социальные сети — тишина. Укутываюсь в одеяло и отворачиваюсь к стенке. Долго лежу в кровати, вспоминая вчерашний вечер. Соня, кофейня, автобус, прогулка по ночному городу — все это было словно во сне. Мне стыдно и смешно одновременно. Порой поражаюсь, до чего могу быть глуп и наивен в своих бредовых грезах, и как сильно мои фантазии могут отличаться от реальности. Я слышал теорию, что взмах крыла бабочки может вызывать катастрофу на другом конце земного шара. Так вот, ни одна бабочка не сможет махнуть крылом так, чтобы мои фантазии в конечном итоге осуществились, став реальностью. Из тех обстоятельств, в которых я сейчас нахожусь, невозможно оказаться в тех, где мне мечтается быть. Знаю, что мне никогда не стать тем человеком, каким я вижу себя в своих фантазиях, хотя все мои мечты о простом и приземленном. Говорят, что мечтать надо о чем-то большом и великом, недостижимом, но ведь каждый мечтает о том, чего ему не хватает в жизни, а потому каждый мечтает с разма-

хом, исходя из своих нужд. Разве не так?

«Ладно, хватит», — думаю я. Все это глупости: сам себе создал проблемы и теперь мучаю себя бредовыми размышлениями с утра пораньше. Поднимаюсь с кровати и иду на балкон. Отодвигаю занавеску. Темная комната наполняется ярким солнечным светом.

На балконе меня встречает ослепительно яркий и морозный день. Улицы залиты солнечным светом, на высоком синем небе нет ни единого облачка. По дорогам едут машины, по тротуарам идут прохожие — город гудит и живет, шевелится, даже будучи покрытым снегом.

Вдыхаю свежий воздух вперемешку с табачным дымом. Меня охватывает детская радость. Чувство такое, будто счастье наполнило сердце, так что аж затянуло в груди, а после разлилось по всему телу. Кажется, что за окном наступил март и с крыши сейчас польется капель, забарабанив по карнизам, хотя на дворе конец декабря.

Дрожа не то от холода, не то от сигареты, возвращаюсь в комнату. После ослепительно солнечного света, после шума городских улиц тут тихо и темно. Спешить некуда, а потому можно чуть-чуть побыть дома. Завариваю растворимый кофе — так себе, конечно, но все же лучше, чем ничего. Сажусь за компьютер.

Включая музыку, захожу в социальные сети. Листаю страницы своих друзей, смотрю фотографии. Правда, друзья они лишь условно: все эти люди растворились в прошлом, оста-

лись в маленьком поселке городского типа за добрую сотню километров от меня. Может быть, расстояние маленькое, но вот времени прошло столько, что большая часть этих людей даже не узнает меня при встрече. Теперь у них своя жизнь, и мне нет места в ней, как и им нет места в моей. А ведь с некоторыми я прежде очень близко общался: часами гулял с ними на улице, доверял им секреты и был готов прийти на помощь по первому зову. А теперь что? Теперь мы даже из вежливости не напишем друг другу банальное, но порой такое нужное: «Привет! Как дела?»

Играет музыка — песни давно минувших дней. Из глубин памяти всплывают родной двор перед домом, где я мальчишкой гулял с друзьями, лица учителей и школьные коридоры, где мы с одноклассниками играли в догонялки. Призраки прошлого кружатся в моей голове под мотивы некогда популярных мелодий, и я с радостью присоединяюсь к ним. Теперь мы снова кружимся вместе. Воспоминания уносят меня обратно, музыка затягивает в вязкую ностальгию, в тоску по ушедшим дням.

Рядом стоит полупустой стакан с остывшим кофе. В браузере открыта куча вкладок: мой плейлист, странички друзей, где-то среди них затерялся прогноз погоды. Музыка льется из наушников, и я кликаю мышкой ей в такт, переходя с одной страницы на другую. Вот мой лучший друг, с которым мы больше никогда не увидимся. Вот моя первая любовь, а вот — последняя. С горечью смотрю фотографии и чув-

ствую, как желание закурить тянет меня на балкон. «Еще пару песен, еще чуть-чуть — и пойду», — думаю я, но продолжаю сидеть.

И вдруг — обрыв. Плейлист начинается сначала. Включается песня, которую я добавил совсем недавно.словно свежий ветер, она сдувает туман и призраков обратно в небытие, возвращая меня в реальность.

Одним глотком допиваю холодный кофе и иду на балкон. На улице все еще светло: солнце словно застыло на одном месте, и те полтора часа, что я просидел перед экраном, просто выпали из общего потока времени. Хотя, кажется, скоро стемнеет. Такой уж причудливый день у зимы: вроде бы светло и до темноты еще далеко, но стоит зайти куда-нибудь хотя бы на часок, а после вернуться на улицу — как там уже наступила ночь. Чувствую, что пора прогуляться до кофейни.

Докуриваю, а после иду в душ. Мне так не хочется находиться дома, что я невольно начинаю торопиться, хотя меня никто не гонит. Суматошно бегаю туда-сюда по квартире, собираясь на улицу. Беспokoйно проверяю розетки и выключатели. Запрыгиваю в кроссовки, накидываю куртку, натягиваю шапку на влажные волосы и выхожу за дверь.

Оказавшись на улице, надеваю наушники и иду привычной дорогой до остановки. Погода кажется мне чудесной: ярко светит солнце, вокруг все белым-бело, воздух необычайно свежий, а снег хрустит под ногами. В этот раз авто-

буса долго нет. От скуки залипаю в экран телефона, иногда поглядываю на дорогу. Погода, конечно, хорошая, но стоять на морозе — занятие малоприятное. Ноги начинают стынуть, ноздри слипаются, а лицо щиплет от холода. Выкуриваю первую сигарету. Хожу кругами, чтобы согреться. Смотрю на дорогу — все еще нет. Приходится стоять и мерзнуть. Закуриваю вторую, но не прошло и двух минут, как автобус появился словно из ниоткуда.

В салоне полным-полно народа, в основном это студенты и пенсионеры. Нахожу себе укромное местечко, чтобы никому не мешать, и еду до центра города. Окна автобуса покрыты ледяными узорами, так что города я не вижу. Мне ничего не остается, кроме как слушать музыку и тайком поглядывать на людей. Все они такие разные. Кто-то задумчиво смотрит в пол; кто-то устал и спит, прислонившись головой к холодному стеклу; некоторые сидят в телефонах; пенсионеры тихо разговаривают, наклоняясь вперед — наверное, чтобы лучше слышать друг друга.

Каждый раз, когда автобус останавливается, открывая двери, посматриваю наружу, боясь проехать свою остановку. Переминаюсь с ноги на ногу, постоянно смотрю на время: очень хочется поскорее добраться до центра. Становится жарко, кажется, печка работает во всю силу. В очередной раз смотрю в открывшиеся двери и вижу знакомые улицы, по которым я так часто гуляю. «Наконец-то!» — думаю я, подходя к выходу.

На следующей выпрыгиваю из автобуса и направляюсь в кофейню самым коротким путем. Пока я ехал, солнце сошло к горизонту и на улице заметно стемнело, да и мороз стал ощущаться гораздо сильнее. Город окутали тоскливые зимние сумерки. Досадно, но ничего страшного: настроение мое несколько не упало, а наоборот — поднялось. Я уже предвкушаю скорую встречу, согревающий напиток и уютный вечер. Сам не замечаю, как почти бегу по обледеневшим тротуарам — кроссовки скользят, и мне лишь чудом удается удерживать равновесие. Только красные сигналы светофоров то и дело останавливают меня.

Вместе со мной на светофорах стоят толпы пешеходов. Тротуары наполняются прохожими, дороги — машинами. Над головой загорелись фонари. Город постепенно погружается в вечер. У большинства людей закончился рабочий день, так что все стоит в пробках, до которых мне обычно нет никакого дела, если только я не сижу в этот момент в автобусе.

Закуриваю и замедляю шаг, когда до площади остается совсем чуть-чуть. Вдалеке уже виднеется яркая вывеска и свет в окнах. Иллюминация на правительственных зданиях подсвечивает фасады. Повсюду висят гирлянды и новогодние украшения. Люди гуляют, отдыхая после рабочего дня. Дети съезжают с ледяной горки. Дворники сгребают остатки снега к краям. Заканчивается песня, которая мне очень нравится. Через огромное окно в двери я уже вижу знакомое

лицо. Одно мгновение — и я внутри, где меня сразу окутывает теплом и ароматом свежемолотого кофе.

— Здравствуйте! — говорит Соня, вставая со стула. Уголки ее губ медленно поднимаются вверх, на лице появляется приветливая улыбка.

— Здравствуйте, — отвечаю я растерянно, снимая наушники. Чувствую, что не могу сдержать свою глуповато-радостную улыбку, вроде той, что бывает у собаки, встречающей хозяина, из-за чего мысли начинают комкаться у меня в голове: я чуть не забыл, зачем вообще сюда пришел.

С трудом собравшись с мыслями, я делаю заказ и сажусь на свое привычное место — за барную стойку. Лицо горит после мороза, руки ооченели так, что я едва сгибаю пальцы. Немного заложены уши из-за громкой музыки — тем лучше: хуже слышно унылый плейлист, который играет тут. Сажу тихо, жду кофе, соблюдая формальности. Аккуратно поглядываю на то, как работает Соня. Еще совсем немного — и вот напиток уже стоит передо мной. Пар поднимается от стакана к моему лицу, обдавая теплом. Я начинаю шмыгать носом, из-за чего чувствую себя неловко, и стараюсь делать это как можно тише. Вспоминаю, как родители заставляли меня дышать над картошкой в детстве.

Соня заканчивает убираться и садится напротив меня. Неизвестно, что одурманило мой рассудок, но я вдруг решил задать один из самых глупых и неуместных вопросов, забыв предварительно подумать:

— А ты дышала картошкой?

Вижу, что Соня сидит в недоумении: улыбка растаяла, одна бровь уползла вверх, а глаза вопросительно смотрят на меня.

До чего же я бываю глуп. Особенно когда дело доходит до общения с живыми людьми. Как можно было сморозить такую глупость первым делом? Лучше бы мне провалиться под землю, пропасть пропадом, кануть в глубокий омут или раствориться, словно сублимированный кофе в чашке, оставив после себя лишь пыль на дне, а точнее, на барном стуле. Моя нога раскачивается из стороны в сторону, я неосознанно убираю руки вниз, словно держу в них свою нелепость, пытаюсь ее спрятать. Понимаю, что деваться мне теперь некуда: придется объяснять, что я пытался сказать.

— Я имел в виду, что... — начал было я, но запнулся. У Сони опять появилась улыбка, но бровь осталась вскинутой.

Не знаю, что смущает меня больше: ее насмешливое лицо или собственная глупость, но я продолжаю позориться:

— Ну, там, когда заболел, например. Или просто насморк мучает. Нет, не было? — говорю я и чувствую, как уменьшаюсь в размерах. Кажется, мое желание сейчас исполнится: я действительно исчезну.

— А-а-а... — протяжно отвечает Соня и начинает смеяться.

У меня тут же отлегло от сердца. Я мгновенно почувствовал облегчение. Начинаю улыбаться и возвращаю руки на

стойку.

— А я не поняла, про какую картошку ты говоришь! — отвечает Соня сквозь смех, откидываясь на спинку стула.

— Да, извини, — начинаю я оправдываться, — сказанул не подумав.

— Все хорошо, — успокаивает меня Соня и продолжает: — Конечно, дышала! Думаю, все дышали. А ты чего в ностальгию ударился?

— Да вот, вспомнилось что-то, — говорю и думаю про себя: «Обошлось!»

— Чего носом шмыгаешь? — вдруг спрашивает она, сдерживая смех, а после добавляет: — Может, над картошкой подышишь? — и начинает смеяться так, что плечи ходят ходуном.

Невольно начинаю смеяться следом. Мне не привыкать к ее подколам и издевкам.

— Простите, — говорит Соня сквозь смех.

— Да все хорошо, — отвечаю я. — Наверное, и правда стоит подышать.

— Замерз? — успокоившись, спрашивает Соня.

— Да! Это ужас какой-то! — чересчур эмоционально отвечаю я, показывая руками в сторону двери, но мне уже не стыдно за это. Наверное, все это из-за солнца. Я где-то читал, что в солнечные дни у людей вырабатывается много гормонов: видимо, они-то и «дурманят» нас.

— Весь день солнце было! — восклицает Соня. — Как ты

мог замерзнуть?

Я смеюсь, пожимая плечами:

— Минус двадцать на улице, как тут не замерзнуть?

Хорошо, что она не видит кроссовки на моих ногах, иначе мне бы пришлось очень много придумывать, вертеться и врать.

— Точно! — отвечает Соня, а после возмущенно добавляет: — Я ведь сама задубела, пока ждала автобус.

— Понимаю, — с улыбкой говорю я, вспоминая, как час тому назад сам был в таком же положении.

— Но, если честно, у меня уже четвертая смена, и меня бы это не удержало дома. Я очень хочу гулять!

Последние слова Соня чуть ли не чеканит, но я не придаю этому значения, успокоившись тем, что разговор вернулся в привычное русло и нелепость с картошкой осталась в прошлом.

— Ого, а скоро выходной?

— Завтра! — радостно отвечает Соня.

— А я работаю, — с наигранной грустью отвечаю я, а сам надеюсь, что через два дня мы снова тут встретимся.

В этот момент заходят другие посетители, Соня отвлекается, а у меня появляется возможность выбежать покурить, пока она будет работать. Накидываю куртку и выхожу на улицу. Темно-синее небо кажется необычайно глубоким. Могу поспорить, за городом оно усеяно звездами. Горят окна в домах. С фонарных столбов падает свет, окрашивая все во-

круг в желто-оранжевый цвет. Площадь немного опустела, но некоторые по-прежнему гуляют. Руки стынут от холода, так что курю, спрятав их в карманах. Кажется, мороз стал еще сильнее. Люди со стаканчиками кофе выходят из кофейни, а я захожу обратно.

Заказываю еще кофе и сажусь на свое привычное место, а после мы два часа болтаем без остановки, как и всегда. Мне хорошо и спокойно рядом с ней. Уверен, без Сони кофе был бы не таким вкусным. Скорее всего, мне бы даже не захотелось брать второй стакан.

А на площади тем временем все меньше и меньше народа: горка стоит пустой, люди расходятся в разные стороны, возвращаясь домой. Кофе остывает, время неумолимо бежит вперед. На часах уже восемнадцать минут девятого — мне пора собираться.

— Пойду, наверное, — говорю я, взглянув на время.

— Если хочешь, — отвечает Соня.

— Да поздно уже, не хочется тебя отвлекать.

— Да брось, блин, ты мне не мешаешь, — неловко улыбается она.

— Все равно, неприлично все-таки. — Поднимаюсь со стула.

Одеваюсь, пока Соня моет что-то в раковине. Достаю из кармана наушники с запутанными проводами. Немного тяну время, распутывая их.

— До свидания! — говорю я.

— Хорошего вечера! — отвечает Соня, обернувшись ко мне.

Мороз пробирает меня до дрожи. Стараюсь идти быстро, чтобы согреться, но едва ли это помогает. Думаю, что гулять сегодня — плохая идея, поэтому сразу иду на остановку. Не снимаю капюшон и оставляю руки в карманах, когда сажусь в автобус, который приехал через пятнадцать минут. Сажусь прямо за водителем, спрятавшись от остальных пассажиров. В наушниках играет любимая музыка. Перед глазами схема маршрутов общественного транспорта, висящая на стенке, что отделяет салон от кабины. Я видел ее тысячу раз. Кажется, она нисколько не изменилась с того момента, как я переехал в город. Правда, это было всего шесть лет назад, но мне кажется, что в моем детстве она была точно такая же. Помню, я иногда ездил в город с родителями и часто с любопытством разглядывал эту схему, когда мы ездили на автобусах. Подпрыгиваю и вибрирую, меня качает из стороны в сторону: водитель едет очень быстро, некоторые остановки он просто пропускает. Видимо, спешит домой, заканчивая последний рейс. Что ж, мне нравится — тем быстрее и я буду дома.

Привычной дорогой шагаю к своему подъезду. Выходя из-за угла, вижу родную хрущевку, всматриваюсь в темные окна квартиры. Дверь домофона с грохотом закрывается за моей спиной. Бегу по этажам, перепрыгивая через ступеньки. Оказавшись дома, сразу ложусь на кровать. Сидеть за

компьютером после барного стула совсем не хочется. Музыка продолжает играть. Действие кофеина начинает проходить, глаза слипаются. Вспоминаю, как Соня смеялась и шутила сегодня, как прикрывала рукой лицо. Невольно начинаю улыбаться. Песни переключаются, мелодии разливаются в сознании, а мысли медленно погружаются в мечты. «Какая глупость», — думаю я, прежде чем окончательно провалиться в сон.

Глава 3

На следующий день я просыпаюсь в девятом часу утра, когда солнце только-только начало подниматься над зимним городом. Вокруг моей шеи обмотались провода наушников, телефон почти разряжен, а музыка перестала играть, потому что штекер немного вылетел из гнезда. Я совсем не помню, как уснул. Смотрю на часы — опять сбил режим. Вставать мне совсем не хочется, да и незачем. Продолжаю лежать, вспоминая вчерашний вечер. Холодный город, наполненный искусственным светом, машины и прохожие, центральная площадь, полумрак в салоне автобуса — снова кажется, что все это было так давно, хотя на самом деле не прошло и дня. Вспоминаю разговор в кофейне и сконфуженно улыбаюсь. Стыдно, конечно. Не столько за свое поведение, сколько за свои надежды и мечты, за глупости, которые мне порой приходят в голову.

Ставлю телефон на зарядку и иду курить на балкон. Низкие серые тучи затянули небо, которое сегодня словно нависает над домами. Темные фигуры пешеходов бродят по дворам, выходят на тротуары вдоль дорог, отделяющих кварталы. Грязные машины шуршат колесами, рычат моторами и гудят, проезжая мимо. Поднявшийся ветер качает корявые и голые ветви, а птицы перелетают с одного дерева на другое, издавая пронзительные крики.

На балконе я так сильно замерз, что прыгаю под одеяло, едва вернувшись в комнату. Поворачиваюсь к стенке и рассматриваю узор на старых пожелтевших обоях, выцветших от времени. Вспоминаю, что сегодня рабочий день, и даже представить себе не могу, как я поеду на работу. Если честно, работать совсем не хочется — лениво. Закрываю глаза и погружаюсь в мир фантазий и иллюзий. В мечтах хорошо, тепло и уютно. В комнате стоит полумрак. Из-за занавесок свет не проникает внутрь, да и на улице не особо светло, так что создается ощущение сумерек за окном. Не замечаю, как медленно проваливаюсь в тяжелый дневной сон.

Мне снятся до того странные и хаотичные сны, что их с трудом удастся запомнить, а осмыслить вообще невозможно. Да и какой в этом толк? Бессмысленные образы появляются друг за другом лишь на мгновение, а после растворяются в сознании, оставляя после себя лишь темноту. Иногда просыпаюсь от холода, поправляю одеяло и засыпаю обратно.

Открываю глаза уже в третьем часу дня. Чувствую — выспался. Лишь голова стала тяжелой и слегка гудит. Встаю и снова иду на балкон. Тут ничего не поменялось с девяти часов утра: все тот же спальный район, только прохожих и машин стало меньше, а в остальном — серость. Вернувшись, умываюсь и ставлю чайник. Пока закипает вода, забираю из комнаты телефон и наушники. Включаю музыку, завариваю кофе, готовлю простенький завтрак и сажусь за стол. От кружки поднимается терпкий аромат — все-таки у

растворимого кофе есть свой характер. Он чувствуется особенно отчетливо, когда впереди ночная смена на заводе.

Покачивая ногой, листаю ленту социальных сетей под любимые песни: читаю новости, проверяю входящие сообщения — ничего нового, как и всегда. Не замечаю, как прошло полтора часа, пока я сидел на кухне. Рядом стоит пустая кружка, а за окном почти стемнело. Время близится к пяти. Хочется послушать еще пару песен, так что тяну время, начав прибираться на кухне.

Когда я снова выхожу покурить, на улице совсем темно, беспокойно посвистывает леденящий ветер. Улицы снова ожили: пешеходы идут по тротуарам домой, машины медленно едут по дороге, простаивая кучу времени в бесконечных заторах — в пробке то и дело загораются красные стоп-сигналы. Шестой час — люди возвращаются домой, а мне пора собираться на работу.

Иду в душ, а после не спеша хожу по квартире, собираясь на смену. Время летит так быстро, словно кто-то включил перемотку фильма на кассетном видеомagneтoфoнe. Страшно представить, как люди встают в семь часов утра, а в восемь уже приезжают на работу. Смотрю на часы — пора выходить.

Проверяю розетки и выключатели, чтобы быть спокойным всю ночь, и закрываю дверь. В подъезде темно: видимо, опять забыли включить свет. Аккуратно сбегая по лестнице и выхожу из дома.

На улице все еще мороз, чувствую, как стынут ноги под джинсами. Иду на остановку. Прячу руки в карманы, боясь высунуть их наружу, иначе они тут же окоченеют. Хорошо, что стоять на остановке пришлось недолго: полупустой автобус приехал уже через пять минут. Люди в это время обычно возвращаются с работы, а в обратную сторону полосы пустые, как и общественный транспорт, так что едем мы быстро. Сидя в салоне, вспоминаю о Соне. Интересно, смогла ли она сегодня погулять или «дубак» вынудил ее остаться дома.

Внезапно заиграла песня, которую я не слышал со времен учебы в техникуме. Кажется, прежде она мне очень нравилась. Слушаю и мысленно переносусь в то время: вспоминаю общежитие, одноклассников, девушку, с которой мы тогда встречались. Да уж, было время. Интересно, как она сейчас поживает? Конечно, я иногда захожу на ее страничку, но разве можно толком узнать о жизни человека лишь по его социальным сетям? Вдруг понимаю, почему перестал слушать эту песню: она напоминает о прошлых отношениях. Причем не самых удачных. Как давно мы расстались, а я все не могу перестать думать о ней. Это глупо. Могу поспорить, я для нее давно остался в прошлом, а вот мне тяжело так просто отпустить человека, и я таскаю призраков прошлого с собой. А вот и моя остановка — пора выходить.

Едва выйдя из автобуса, закуриваю сигарету. Иду по Пролетарской улице, вдоль длинного забора, за которым только развалины некогда крупного завода. Тротуар так и не почи-

стили после снегопада, хотя прошло уже два дня. Хорошо, что люди протоптали себе тропинку, но ноги все равно вязнут в снежной каше. Чувствую, как снег попадает в кроссовки — не самое приятное ощущение. Оказавшись у проходной хлебозавода, снова курю, пытаюсь вдоволь насытиться перед сменой. Дослушиваю последнюю песню, снимаю наушники и захожу внутрь.

Охранник поднимает на меня взгляд, кивает в знак приветствия и снова склоняется над какой-то газетой. Проходная украшена к празднику: повсюду висят гирлянды и мишура, в углу стоит нарядная елка, а над входом в коридор приклеена надпись из разноцветного картона: «С Новым годом!». «И вас!» — думаю я, проходя под ней.

В раздевалке никого нет, кроме меня. Все давно переоделись и уже работают в цехах. Один я все еще бездельничаю. Надеваю рабочую форму и иду в цех. Смотрю на лист распределения: сегодня я на муке — это хорошо, но надо поторопиться. Иногда люди сильно романтизируют работу пекаря: думают, что у нас нет больше дел, кроме как месить тесто и доставать готовую выпечку из печей, довольно улыбаясь на камеру. Как бы не так! Почти все у нас делают машины, а мы лишь стараемся не отставать от их темпа, когда собираем готовую продукцию, просеиваем муку или чистим от нагара формы. Сегодня я таскаю мешки с мукой — самая спокойная позиция, разве что физически тяжелая.

Стою в смене с двумя мужиками, которые годятся мне в

дедушки, но по ним так сразу и не скажешь: управляются с мешками они ловчее, чем я, да еще и общаются между собой. На заводе совсем нет молодежи. Работают одни старики. Многие из них уже ушли на пенсию, но продолжают работать, а остальные скоро тоже уйдут, но не перестанут работать. Все тут знают друг друга не один десяток лет: они пришли сюда еще в Советском Союзе, пережили девяностые годы, когда тут платили маслом, мукой и готовой продукцией, некоторые даже учились вместе в техникуме. А я новенький и молодой, так что часто приходится работать молча. Хотя стоит сказать, что они достаточно тепло приняли меня в свой коллектив, но другом я им так и не стал, да и не хотел бы — субординация не позволяет.

А что до работы, так она у меня очень простая. Приходит поручение: столько-то муки нужно туда-то — делаю, а после сижу — жду нового. Так проходит вся ночь с перерывом на обед. Безусловно, смазывать формы для выпекания хлеба гораздо веселее, но сегодня судьба уберегла меня от этого веселья, так что скучаю до самого утра. И никаких улыбок с противнями для выпекания сдобы в руках — это в другом цехе, наверное, но я не уверен.

В восемь утра смена заканчивается. Иду в душ и переодеваюсь. Спина и ноги болят, но это не страшно. Настроение после смены всегда лучше, чем перед ней. Хочется поскорее добраться до дома и лечь спать. Выхожу на улицу, а там — никаких туч и яркое солнце снова поднимается над городом!

Хотя время только девятый час. Погода прояснилась, но мороз по-прежнему стоит. Пока иду на остановку, думаю, что Соня обрадуется такому чудесному дню.

Как и вечером, мне никогда не приходится ездить в забитых автобусах утром. Обычно в это время люди едут на работу, а я — домой. Город ожил, наполнился звуками и движениями. Все куда-то едут, куда-то спешат, а мне с ними не по пути, да и спешить некуда. Меня каждый раз охватывает такая радость от этой мысли, хотя я не любитель злорадствовать. Музыка играет в наушниках. Смотрю на сонных пассажиров. Студенты смотрят в телефоны, слушают музыку, как и я. Люди постарше потерянно смотрят в пустоту — ох уж эти рабочие будни. Спустя всего полчаса выхожу на своей остановке и бегу домой, выпуская густой пар вперемешку с табачным дымом.

Вернувшись, завариваю кофе и сажусь за компьютер. Долго слушаю музыку и листаю социальные сети — хочется расслабиться перед следующей сменой сегодня ночью. Захожу на страницу к бывшей девушке, смотрю фотографии. Чувствую тяжесть на сердце. Вспоминаю, как гуляли вместе после пар, как в первый раз сходили в кофейню — счастливая была пора, жаль, что короткая. Теперь у нее своя жизнь, в которой мне нет места. Тем лучше для меня. Допиваю остатки кофе и ухожу на балкон.

На высоком синем небе видны прерывистые полосы белых облаков, словно кто-то небрежно провел несколько раз ки-

стью по холсту. Солнце светит ослепительно ярко, отражаясь от снега и окон, так что даже у меня, стоящего наверху, слезятся глаза. Над трубами застыл серый дым, прохожие укутались в шарфы и воротники, машины скрипят резиной.

«Нет, Соня точно будет в восторге!» — думаю я, лежа в кровати.

Глава 4

Вечером просыпаюсь побитый и уставший — это нормальное состояние после первой смены. Теперь надо пережить вторую. Повалиться в кровати сегодня не получится — поджигает время. Встаю и иду на балкон. Влажный и свежий воздух ударяет в лицо, пробуждая после тяжелого сна. Кажется, к вечеру стало теплее. На улице давно стемнело: зажглись фонари, фары машин, свет в окнах дома напротив. Зимой так всегда: уснул утром после смены — проснулся вечером перед следующей. Снизу ходят люди, ездят машины. Хорошо бы сходить погулять сегодня, но нужно собираться на работу, к сожалению. Ставлю чайник и иду умываться, пока закипает вода. Вернувшись на кухню, завариваю кофе и включаю музыку.

Просматриваю ленту — скука. Проверяю входящие — тишина. Листаю плейлист — ищу песни под настроение. Хотя какой музыкант будет сочинять для пекаря, который медитирует перед ночной сменой на заводе? Правильно — никакой, но я не теряю надежды.

Собираюсь, проверяю розетки и выключатели, спускаюсь по ступенькам, выхожу из подъезда. Надеваю наушники и иду дворами до остановки — серость рабочих будней. Только погода вдруг стала такой ласковой, что меня так и влечет прогуляться по вечерним городским улицам, и мне с боль-

шим трудом удается совладать со своим желанием. Влажный воздух кажется объемным и мягким, он словно нежно окутывает меня, а мелодия снова погружает мысли в светлые мечты о будущем. Как же досадно ехать на смену в такой чудесный вечер!

Окна автобуса оттаяли, и я вижу, как мы проносимся мимо домов, огней фонарных столбов, машин и пешеходов. Музыка играет на полную громкость, возбуждает чувства, будоражит сознание. Нервы мои до того напряжены, что я ерзаю на сиденье и верчу головой в разные стороны. Совсем скоро моя остановка, но я с большим удовольствием поехал бы дальше, рассматривая улицы ночного города через стекло. Жаль, что от работы мне никуда не деться.

Опять серый забор, проходная, раздевалка, цех — всю ночь хожу взвинченный до предела. Хотелось бы мне поселиться на хлебных формах, но сегодня я снова на муке. Время тянется. Кажется, что смена идет целую вечность, а мне очень хочется поскорее освободиться и уехать домой. В пять утра я уже думаю идти в медпункт и притворяться больным, но отказываюсь от этой подлой затеи и продолжаю работать. Дотерпел до шести утра, а после — до семи. Остается буквально час, ближе к восьми за окнами начинает светать — еще совсем чуть-чуть, и свобода.

Оказавшись на улице, вдыхаю свежий воздух. Бегу по тропинке вдоль серого забора, жадно затягиваясь сигаретой. Стоя на остановке, нервно жду автобус, который почему-то

именно сегодня решил где-то задержаться! Вспоминаю, что сегодня суббота, да еще и утро — сразу перестаю обижаться на общественный транспорт. Мною движет одно желание — поспать и поехать гулять в центр. «Неужели!» — думаю я, увидев вдалеке оранжевое табло с номером и маршрутом.

Автобус летит по пустым дорогам все еще спящего города, пока солнце медленно поднимается над ним. Музыка играет в наушниках, мелодия разливается в голове, и счастье наполняет сознание.

Вернувшись домой, завариваю себе кофе и сажусь за компьютер. Пар поднимается над чашкой, сверху все еще плавает пенка, и до меня доносится чудный аромат бодрящего напитка. Слушаю любимые песни, листая социальные сети. Мечты начинают туманить рассудок. Мысленно переносюсь в столь прекрасное место, что безумная радость моментально охватывает меня. Рядом со мной родные мне люди, у которых больше нет никаких проблем, как и у меня. Все мы там счастливы! Начинает играть следующая песня, потом — еще одна. Меняются места и обстоятельства, но суть остается неизменной. Фантазия переносит меня не только в будущее, но и в прошлое, где я переиначиваю все на новый лад. Время проходит незаметно. На дне стакана остались лишь высохшие разводы, желание покурить тянет меня на балкон, а нога раскачивается в такт музыке, но я продолжаю погружаться в свой плейлист, в свои мечты и воспоминания.

Сон как рукой сняло. Выхожу на балкон. Закуриваю, гля-

жу вниз. На игровой площадке тихо, снежный покров истоптан многочисленными следами, но никого нет — только черный котик бегаёт под окнами соседнего дома. Чудесное субботнее утро и тишина спального района, которую нарушает лишь тихий городской гул, едва доносящийся до моих ушей. Решено — иду гулять!

Бегу умываться, чтобы немного освежить лицо, а после суматошно собираюсь на прогулку. Предчувствуя долгожданную встречу, весь трясусь от радости. Проверяю выключатели, закрываю дверь. Спускаюсь вниз. В подъезде тишина, разве что эхом раздаются мои шаги. Выхожу на улицу.

Меня встречают яркое солнце и белый снег. Иду на остановку, сажусь в автобус и еду до центра. Листаю свою музыку. Теперь найти песню под настроение проще простого. В наушниках «Мальбэк» и Сюзанна что-то ноют про потускневший город и вой ледяных моторов. Заходят и выходят пассажиры. Кондуктор лениво ходит по салону, раздавая билетки. За окном мелькают городские улицы: фасады домов, заправки, торговые центры, люди, машины. Как ребенок, прихожу в восторг, собираясь на выход.

Привычной дорогой дохожу до площади, остановившись покурить возле входа в кофейню. Тут прогуливаются люди, отдыхая после рабочей недели, дети с визгом скатываются с ледяной горки. В самом центре стоит огромная искусственная елка, которая по ночам переливается огоньками гирлянд.

Захожу в кофейню, снимая наушники.

— Какие люди, здравствуйте! — Соня встает со стула, язвительно улыбаясь. — У тебя там что, Лана Дель Рей играет?

— Здравствуйте, — улыбаюсь в ответ, видя ее хитрое лицо. — Нет, это Хаски. Кажется, трек «Хозяйка».

— Чего застеснялся-то? — смеется Соня. — Что тут такого, если под настроение попадает?

— Ну правда Хаски, — начинаю оправдываться.

— На пляже хочется покайфовать? — подтрунивает Соня.

— Самое время, — неловко шучу в ответ.

Мне ужасно трудно вот так сразу быть открытым и разговорчивым с Соней. После двух дней, что мы не виделись, мне сперва нужно снова привыкнуть к ней. К тому же она кажется мне настолько красивой, что дар речи попросту пропадает.

— Почему бы и нет? — смеется Соня, взглянув на экран телефона. — Кстати, а чего так рано?

— Да со смены вот, — отвечаю я, подходя к кассе. Конечно, врать плохо, но я ляпнул не подумав.

Заказываю кофе и сажусь на свое привычное место. Складываю наушники в карман. Поглядываю на Соню. Молча жду свой напиток, который оказывается рядом со мной буквально через пару минут.

— Спасибо, — говорю я, довольно улыбаясь.

Обычно люди сами забирают напитки, но мне мой поче-

му-то ставят рядом со мной, из-за чего мне всегда немного стыдно, словно я злоупотребляю хорошим отношением. Соня выглядит счастливой: глаза искрятся, улыбка не сходит с губ, движения легкие и плавные. Она садится напротив и спрашивает:

— Как смена?

— Да ничего, — отвечаю я, вспоминая, как с нетерпением считал каждый час, и добавляю: — Только настроение нерабочее что-то.

Соня смеется, и на щеках появляются маленькие ямки:

— Понимаю... — тянет она.

— Ну что, погуляла на выходных?

— Конечно! — восклицает Соня и тут же добавляет: — Весь день ходила по ТЦ, выбирала подарки родителям и подругам. Устала как собака, но оно того стоило! Блин, жалко я их не сфоткала.

Рассказывая о своих выходных, Соня аж приподнялась на стуле. Видимо, она действительно очень устала и хотела отдохнуть, а я-то думал. В моей голове пролетает мысль: «Она не сказала про парня», а сразу после — другая: «Хотя какое мне дело».

Соня рассказывает мне о своих покупках, на фоне играет безликая музыка. Кофе в стакане остыл, но я не тороплюсь его допивать: времени впереди еще много. Люди заходят в кофейню — я выхожу курить, а после возвращаюсь обратно. Чувствую, как усталость начинает брать свое: мысли пу-

таются, веки наливаются тяжестью, но ничего страшного — потерплю.

— Как отмечать будешь? — спрашивает у меня Соня.

— Не знаю, — отвечаю я, — к родителям, наверное, поеду.

Глупо улыбаюсь, стараясь не смотреть ей в глаза. Понимаю, что соврал, но боюсь показаться странным, если скажу, что в новогоднюю ночь буду в одиночку сидеть дома перед компьютером, слушая музыку. Сразу спрашиваю:

— А ты?

— В деревне с друзьями! — радостно восклицает она. — У нас что-то вроде традиции...

Соня долго рассказывает мне про деревню и маленький домик, где тихо и уютно. Это дом подруги, а точнее — ее бабушки. Там они останутся на целую неделю, до самого Рождества.

Я с интересом слушаю, отмечая про себя, что целую неделю буду блуждать по городу в одиночестве, но думать об этом не хочу. Я как Скарлетт: «Подумаю об этом завтра». Сейчас это неважно.

— Вот смотри! — Соня встает со стула и протягивает мне телефон, показывая фотографии с прошлого года.

— Вот дом, — говорит и листает дальше. — Это мы за столом сидим под бой курантов. — Опять листает. — А вот лес...

Смотрю на экран телефона и не верю в происходящее: Со-

ня показывает мне фотографии. Сон! Не иначе. Перед глазами все плывет, я ничего не вижу от волнения, но продолжаю улыбаться и кивать головой.

— Кстати, мы чуть не заблудились в этом лесу! — смеется Соня.

Тут опять заходят люди, а я выхожу курить. На площади заметно прибавилось народа: люди гуляют и отдыхают, наслаждаясь выходным днем, пока их дети весело катаются на горке. Солнце припекает меня, что для зимы большая редкость в наших краях. Кажется, меня разморило: вместе с теплом по телу разливается усталость. Чувствую, как сильно мне хочется спать, но уезжать еще рано, так что возвращаюсь обратно.

Заказываю еще кофе и снова сажусь на свое привычное место. Поглядываю на Соню, пока она прибирается. Чувствую песок в глазах, но стоило мне поднести стакан к лицу, как пар обдал их и сухость на время отступила. Мне немного смешно от того, что я, получается, буквально «залил глаза», но я решаю не рассказывать об этом Соне, боясь показаться глупым.

— Так вот, Юля свернула с тропы и повела нас по сугробам через чащу, блин, — рассказывает она о своих приключениях в лесу. — А там все одинаковое: везде снег и деревья...

— Это точно! — говорю я, представляя зимний лес, но на ум приходит только картина Шишкина.

— А дорогу издалека разглядеть невозможно, вокруг все белое. Мы так целый час ходили по лесу, пока не догадались пойти обратно по своим следам, — смеется Соня. — Хорошо еще, что снег не шел, иначе так бы и остались там!

— Да, жутко! — говорю я.

— И не говори! — отвечает Соня. — Это я сейчас смеюсь, а когда мы там были, нам было не до смеха!

Мы продолжаем разговаривать о всяких глупостях и пустяках. Посетители заходят все чаще. Мне все чаще приходится выходить курить. Я и сам не заметил, как выпил третий стакан кофе, отчего появилось странное тревожное чувство. Когда я в очередной раз выхожу, на площади уже полным-полно людей. От яркого солнца осталась лишь тоненькая полоска на горизонте, которая вот-вот пропадет. Вокруг все светится и переливается огнями: горят фонари, фары проезжающих машин, подсветка зданий, переливаются разноцветные гирлянды. Стоит гул человеческих голосов, над которым возвышаются детские визги.

Вернувшись, допиваю остатки холодного кофе. Мне становится стыдно, что я сижу здесь целый день, донимая человека пустой болтовней. Сердце начинает сильнее биться в груди. Кажется, пора прощаться. Да и людей стало так много, что уже не получится нормально поговорить. Тихо одеваюсь, пока Соня занята. Жду, когда мы встретимся взглядом, чтобы попрощаться.

— Хорошего вечера! — неловко улыбаюсь я.

— Хорошего вечера! — отвечает Соня, пытаюсь улыбнуться.

Надеваю наушники и окончательно выхожу за дверь. Тут все по-прежнему, лишь горизонт теперь совсем темный — город погрузился в вечер. Волочу ноги на остановку. Состояние престранное: счастье, смешанное с тревогой, а сердце, кажется, готово выпрыгнуть из груди. Сажусь в автобус. Глаза слипаются, веки закрываются — остановка, тело летит вперед — открываю глаза, откидываюсь обратно на спинку сиденья.

Вернувшись домой, иду в душ и ложусь на кровать. Включаю видео, но мне неинтересно: мысли заняты совсем другим. «Зачем я сидел там весь день!» — думаю я. Мне так стыдно, что начинает гореть лицо: «Какой же я идиот!» Обещаю себе, что больше никогда не буду так делать, но не могу успокоиться. От всех этих мыслей мне становится еще тревожнее, но усталость окутывает меня, мысли выпадают, путаются, и я проваливаюсь в бредовые сны.

Глава 5

На следующий день просыпаюсь ближе к обеду, проспав чуть меньше тринадцати часов. Чувствую себя разбитым и уставшим. Голова болит так сильно, словно я вчера пил не кофе, а что-нибудь покрепче. Захожу в социальные сети — тишина, ну и ладно. Вспоминаю вчерашний день. Чувство стыда возвращается ко мне с новой силой, и это спустя всего лишь несколько минут, как я открыл глаза. Мало того что я неприлично долго просидел, так я еще вел себя как ненормальный, а разговаривал и того хуже. Зачем я вообще пошел туда сонным? Неужели нельзя было сначала выспаться после смены и только потом поехать за кофе?

Тяжело вздохнув, выхожу покурить. День не такой ясный, как вчерашний, но все еще солнечный. Улицы почти пустые, что для воскресенья совершенно нормально. Разве что дети скатывают снег в огромные шары во дворе — видимо, температура приблизилась к нулю. Хочется посидеть в кофейне, но мне так страшно смотреть Соне в глаза, что я решаю остаться дома.

Вернувшись с балкона, ставлю чайник, завариваю кофе, сажусь за компьютер — все как обычно. Включаю музыку. Она начинает заглушать внутренний голос, укоряющий меня со вчерашнего вечера, и мне становится немного легче. Смотрю фотографии незнакомых людей, чувствуя себя

неловко при этом, но ничего не могу поделаться. Да и выложили их только для того, чтобы на них смотрели. Вряд ли кто-то мог перепутать страницу в социальной сети с облачным хранилищем и поставить на аватарку фотографии, которые нельзя видеть другим. Хотя я бы смог, наверное. Песни переносят меня во вчерашний день. Вспоминаю, как Соня рассказывала о выходных, показывала фотографии на телефоне, стоя так близко, что я мог чувствовать запах шампуня от ее волос. «О чем я только думаю!» — пролетает у меня в голове. Вот так бывает: вроде бы взрослый человек, а все веду себя как наивный мальчишка. Сколько можно заниматься всякими глупостями и воспринимать банальную вежливость, причем формальную, как нечто большее? Сколько можно искать в каждой улыбке намека на нежность и симпатию? От всех этих размышлений появляется сильное желание покурить, с которым я никак не могу совладать. Не дослушав песню, ухожу на балкон.

Погода по-прежнему чудесна. Теплый ветерок задувает в окно, подстрекая выйти на улицу. Смотрю, как люди идут по тротуару, как едут по дороге машины. Желание погулять и присоединиться к прохожим тянет меня из дома, но возвращаюсь в комнату и сажусь за компьютер.

Продолжаю листать ленту, но странное беспокойство так и тянет меня выйти на прогулку, какой-то назойливый зуд не дает мне спокойно посидеть дома. Музыка превращается в набор звуков. Пытаюсь найти что-нибудь новое, но все пес-

ни пресные и скучные, унылые до серости. Интересных видео тоже нет. Наверное, стоит все-таки сходить проветриться. Можно будет даже зайти в кофейню, главное — не сидеть там долго и не говорить глупостей. Решено! Бегу в душ.

Собравшись меньше чем за полчаса, выхожу из квартиры и сбегую по лестнице. Погода просто замечательная: тепло, солнечно и почти нет ветра. Даже ноги больше не мерзнут в кроссовках! Иду дворами до остановки, слушаю музыку. Настроение становится значительно лучше, уходят гнетущие мысли, но беспокойство остается. Не обманываю ли я себя? Я-то уж точно знаю — еще как обманываю! Только сейчас мне до этого нет никакого дела, но я обещаю себе, что постараюсь не ударить в грязь лицом.

Дорога кажется мне бесконечной: мы останавливаемся на каждом светофоре, на каждой остановке, ждем, когда выйдут и зайдут пассажиры. Нервно покачиваю ногой в такт музыке, рассматривая городские пейзажи, пока автобус едет в центр. Виды сменяются за окном. Очень скоро вижу знакомые улицы и здание главпочтамта вдалеке. «Неужели приехал!» — думаю, подходя к выходу.

Ноги сами несут меня в кофейню. Курю на ходу, чтобы не стоять долго возле двери. Подходя к площади, вижу гуляющих людей, горку с детьми и новогоднюю елку. Вижу вывеску и свет внутри кофейни. Рядом с дверью никого нет, и я надеюсь, что людей сегодня будет поменьше. Подойдя ближе, вижу Соню через окно. Она сидит в телефоне и улыба-

ется. Наверное, опять смотрит смешные картинки в интернете. Пряди волос свисают вниз, палец скользит по экрану. Улыбка то появляется, то исчезает. Все-таки решаю не заходить сразу из-за своей дурацкой тревожности и закуриваю еще одну. Чувствую легкий мандраж: боюсь, что опять скажу что-нибудь глупое прямо с порога, а потом мне будет стыдно за самого себя.

Собравшись с мыслями и докурив сигарету, захожу в кофейню. Как только я переступаю порог, Соня поднимает голову — наши взгляды встречаются. Улыбка сама появляется на моем лице, а страхи проходят словно по волшебству. Соня улыбается и говорит:

— Здравствуйте!

— Добрый день! — отвечаю я, пытаюсь контролировать свою придурковатую улыбку.

Заказываю кофе и сажусь за барную стойку, на свое любимое место — напротив Сони. Осторожно наблюдаю за тем, как она готовит, а после прибирается. Некрасиво, конечно, но ничего не могу с собой поделаться — не могу отвести глаз. С нетерпением жду, когда она закончит. Я чувствую, как поднимается мое настроение в предвкушении вкусного кофе. Через пару минут все готово: стакан стоит рядом, а Соня садится напротив. Мы молча переглядываемся. Снова начинаю глупо улыбаться, но теперь уже никак не пытаюсь контролировать себя, понимая, что в этом нет никакого смысла, да и Соня улыбается в ответ. Мне так радостно, что хочется

смеяться. Наверное, теперь она точно решит, что я ненормальный.

В кофейне немного душно и жарко, солнечные лучи наполняют помещение не только светом, но и теплом. От горячего напитка поднимается пар. Загудела кофемашина — видимо, насос подкачал воду. На фоне играет все тот же дурацкий плейлист, но я почти не замечаю его. Наверное, привык.

Считанные секунды мы сидим в тишине, молча улыбаясь друг другу. Мне ужасно хочется начать разговор, но я совсем не могу подобрать слов, поэтому жду, что скажет Соня, которая обычно начинает первая. А она внимательно смотрит на меня, хитро прищуриваясь.

— Ничего не замечаешь? — спрашивает Соня, прикрываясь от солнца рукой и слегка наклоняясь вперед.

Я внимательно всматриваюсь в ее лицо. Кажется, что-то действительно изменилось, но я не могу понять, что именно. Очень хочется не проиграть в эту игру, поэтому стараюсь как могу. Жаль только, что голова моя бедовая работает из рук вон плохо, особенно сейчас.

— Подожди, — говорю я, продолжая искать изменения.

— Ну давай, давай, — начинает смеяться Соня.

На первый взгляд все как обычно: тонкие брови, нежный взгляд, поднятые вверх уголки губ, ямки на щеках. Светлые волосы убраны банданой, и только пара непослушных прядей свисает, выбившись из-под нее. «Может, пирсинг или татуировки?» — думаю я, но замечаю, что у нее нет даже сере-

жек. Смотрю на белую высокую шею — никаких татуировок. Чуть ниже, на тонких плечах, лежат лямки фартука; худые руки опираются о барную стойку, пальцы барабнят по столешнице. Соня смотрит на меня с любопытством. Ее хитрое лицо смешит меня и мешает сосредоточиться. Чувствую — проиграю. Не силен я в этих делах. Хочу уже сдаться и тут замечаю: волосы стали как будто бы светлее, чем вчера. Меня терзают сомнения: может, свет так падает? Да и когда она успела бы их покрасить?

— Волосы? — неуверенно предполагаю я.

— Именно!

— Как ты успела? — удивляюсь я. — Не ночью же?

— Лучше тебе не знать! — смеется Соня, отрицательно покачивая головой, а после спрашивает: — Как тебе?

Этим вопросом она сбивает меня с толку. Что отвечать? Ведь я даже не сразу заметил! Она выглядит замечательно, причем всегда, каким бы ни был цвет волос, но не могу же я так ответить.

— Тебе очень идет, — говорю я, словно нахожусь на последнем издыхании, причем так тихо, что Соня могла и не услышать, сидя напротив меня. И в лицо тут же ударяет жар, как если бы его обдали паром.

Соня смеется. Кажется, она заметила мою реакцию, и ее это веселит. Она откидывается на спинку стула, сложив руки на груди, и со смущенной улыбкой говорит:

— Спасибо!

Отпивая горячий кофе из стакана, обжигаю язык. Соня замечает, что я слегка подскочил на месте, и снова начинает смеяться надо мной. Что за настроение у нее сегодня такое? Хотя, наверное, со стороны это действительно выглядело забавно.

— Осторожнее, — говорит она, сдерживая смех.

— Забылся что-то, — улыбаясь, отвечаю я.

— Как дела-то? — спрашивает Соня.

— Хорошо, — говорю я. — Наконец-то тепло!

— Да-а-а, — тянет Соня. — Могу поспорить, что в мои выходные будет дубак!

— Надеюсь, что нет, — отвечаю я, а после добавляю: — Я еще от прошлых морозов не отошел.

— Ну хотя бы солнце было, — вспоминает она.

— Это да, но ведь ветрище был страшный, — жалуюсь я, — невозможно было руки из карманов достать.

— А перчатки для чего нужны? — спрашивает Соня с издевкой.

— Да ну их, — отмахиваюсь я.

Соня опять начинает смеяться. А я думаю про себя: «У меня и ботинок зимних-то нет, какие тут перчатки». Конечно, я бы мог их себе купить, но мне гораздо удобнее в кроссовках, да и выглядят они лучше, чем громоздкие и бесформенные ботинки с молниями на боку. А перчатки мне вообще не нужны, обхожусь и без них, к тому же неудобно будет пользоваться телефоном.

— У тебя как дела? — спрашиваю я, пытаюсь перевести тему.

— Хорошо, — говорит Соня, убирая непослушные пряди волос обратно под бандану. — Сижу тут все утро без дела, никого нет, как видишь.

— Воскресенье, — говорю я, а сам думаю: «А то она не знает, какой сегодня день недели».

— Точно, у меня же завтра выходной, — вдруг отвечает она, словно действительно не знала, а после добавляет: — Завтра на зачет, блин.

— Ох, сочувствую.

— Да я так-то готова, просто мне лень ехать, — смеется Соня.

— Понимаю, а мне завтра на работу, — говорю я. — Настроение совсем не рабочее.

Настроения работать действительно нет. Я с большим удовольствием еще пару дней сидел бы дома или гулял по городу, но ничего не поделаешь. Хорошо, что на смену мне только вечером.

— А в праздники вы тоже работаете? — спрашивает Соня.

— Конечно, — отвечаю я. — Не можем же мы оставить город без хлеба.

— Такое себе, хоть бы на пару дней отпустили, — возмущается Соня.

— Хорошо бы, — соглашаюсь я. — Да я уже привык, если

честно. Всегда так работали и, видимо, будем работать.

— Грустно!

— Да, — вздыхаю я, чувствуя, что разговор заходит в тупик. — Я отойду на пять минут покурить.

— Давай.

Людей на площади стало заметно больше. Стараюсь отойти подальше от толпы, так как мимо ходит много детей. Захожу за угол дома. На улице еще светло, но совсем скоро стемнеет: горизонт начинает окрашиваться в алые тона, хотя время — только четвертый час. Хорошо, что зимнее солнцестояние уже прошло и день начинает постепенно прибавляться. Жаль только, что этого пока еще не заметно. Наверное, стоило бы попрощаться с Соней и поехать домой, но ведь завтра мы точно не увидимся: у меня смена, а у нее выходной. Может быть, в следующий раз мы сможем посидеть так только в новом году — такая перспектива мне совсем не по душе. Конечно, не хочется наступать на те же грабли, но я ничего не могу поделать с собой. Хочу остаться подольше — это желание гораздо сильнее, чем стыд и переживания за свое поведение. Да и в конце-то концов, могу же я просто посидеть и попить кофе? Пусть даже и второй стакан, хотя прошлый еще не допит. Ведь люблю же я кофе, да?

От этих банальных мыслей меня охватывают радость и восторг. Докурив, возвращаюсь в кофейню в приподнятом настроении, готовый к продолжению разговора. Передо мной заходят люди — пропускаю их вперед и захожу внутрь.

Усаживаюсь на привычное место.

Все так же играет музыка, которую иногда заглушает звук работающих жерновов кофемолки. Посетители о чем-то шепчутся в углу, пока ждут свои напитки. Допиваю остатки холодного кофе, снимая сухость после сигареты. Достаяю телефон и начинаю бездумно листать ленту новостей, чтобы не пялиться на Сою.

— До свидания! — хором говорят люди, выходя на улицу.

«Наконец-то», — думаю я, когда Соня начинает приближаться, и прячу телефон обратно в карман. Хочется начать разговор, но мне не по силам такая задача, когда я смущен.

— Как ты только успеваешь и учиться, и работать? — говорю я, не придумав ничего лучше. — Я бы так не смог, если честно.

— И не говори, — отвечает Соня, садясь на стул. — Приходится!

— Тяжело?

— А кому сейчас легко? — смеется она.

— Это уж точно.

— Просто я не совсем понимаю, зачем мне это нужно, — вдруг говорит она. Улыбка исчезает, а лицо становится печально-задумчивым.

— Ну как, — отвечаю я, пытаюсь подобрать слова. — Куда сейчас без высшего образования?

Мне вдруг так сильно захотелось поделиться с ней своими сожалениями об упущенных возможностях, но я промол-

чал. Если честно, я очень сильно стесняюсь своего среднего специального образования. Наверное, мне бы очень хотелось получить диплом бакалавра, хотя бы синий, но теперь уже поздно, да и не осилю.

— А с ним куда? — иронично улыбается Соня, а после добавляет: — С моим педагогическим-то, блин.

— В школу? — предполагаю я.

Соня смотрит на меня, приподняв одну бровь. Кажется, к моему предположению она относится очень скептически. Такую реакцию можно понять: молодежь сейчас хочет зарабатывать деньги, а не заниматься социально значимым трудом за скромное вознаграждение.

— Ну да, точно, — молчаливо соглашаюсь я.

— Ага, — улыбается Соня. — Да и какой из меня учитель?

— Думаю, хороший.

Соня начинает ерзать на стуле, привстает и снова садится, а после закидывает ногу на ногу, словно пытается найти положение поудобнее.

— Это только кажется, — отвечает Соня. — На самом деле я ничего не смыслю в педагогике, да и в институт пошла только из-за родителей.

— Да разве это проблема? — говорю я. — Я тоже ничего не смыслю в своем деле, но работаю же как-то.

— Да не в этом дело, — вздыхает Соня. — Мне просто не хочется, не мое это.

Пытаюсь подобрать слова, но ничего не приходит в голову. Да и что тут скажешь?

— А много осталось учиться? — спрашиваю я первое, что пришло в голову.

— Полгода, — отвечает Соня, а после добавляет: — Дурацкий диплом еще, блин.

— О! — восклицаю я. — Совсем чуть-чуть ведь осталось.

— Да, — вздыхает Соня, а после добавляет с неловкой улыбкой: — Надоело все это, если честно.

Смотрю на Соню. Прежде веселый и хитрый взгляд стал задумчивым, улыбка — натянутой. Она молча сидит и смотрит в пол, понуриив голову, — такой я вижу ее впервые. Я совсем не понимаю, что мне теперь делать. Кажется, я затронул тему, которую ей не хотелось бы обсуждать. Мне очень хочется извиниться, но я молчу: боюсь показаться глупым, не понимая, уместны ли тут извинения.

Повисла неловкая пауза. Пытаюсь что-то сказать, но мысли летают в голове, словно рой мошек, и мне не удастся схватить ни одну из них. Желание покурить тянет меня на улицу, но не могу же я теперь оставить Соню в одиночестве. И, как назло, нет посетителей, хотя вот сейчас им бы уже пора зайти.

Приглушенно доносится гул толпы за окном. В кофемашине тихо щелкают реле. Ледогенератор наморозил новую порцию льда, с грохотом высыпав ее в контейнер. На фоне играет дурацкая музыка, ее веселый мотивчик раздража-

ет меня гораздо больше, чем веселит. Каждый звук пронзает меня, словно электричеством. Сижую, кручу в руках помятый и пустой стакан, нога раскачивается из стороны в сторону. От волнения перехватывает дыхание, что окончательно делает меня беспомощным в этой ситуации. Мне хочется уехать домой — теперь я жалею, что не сделал этого раньше.

— Прости, если вдруг... — начинаю я, но Соня меня перебивает.

— Да все хорошо! — улыбается она, но улыбка уже не та, что была в начале. — Чего ты?

— Да я, — начинаю мямлить, — глупостей опять наговорил.

— Глупости ты говоришь сейчас! — теперь она смеется, и на этот раз, кажется, искренне.

У меня сразу отлегло от сердца. Пытаюсь улыбнуться, но чувствую, что улыбка у меня нервная и натянутая, словно сейчас начнется истерика. Смотрю на закат через окно в двери — солнце скрылось за горизонтом, оставив лишь тонкую темно-синюю полосу света.

— Схожу покурить?

— Нет! — смеется Соня. Не знаю почему, но я слушаюсь ее, оставаясь на своем месте, поэтому она добавляет: — Это же шутка! Иди, конечно!

Полоска на горизонте вот-вот исчезнет — темнота наступит окончательно. Горят фонарные столбы, переливается гирлянда на елке. Задорные детские крики раздаются на

площади и разносятся по округе. А ведь когда-то родители привозили и меня кататься на этой ледяной горке. Правда, давно это было. Теперь я прихожу сюда не ради горки.

Вернувшись, заказываю еще кофе и снова сажусь на свое место. Стоило Соне приготовить и прибрать бар, как тут же зашли люди, а после — еще. Сажусь на протяжении часа, жду, когда Соня освободится. А очередь только прибавляется. Закрываю стакан крышкой, чтобы он не остыл. Стараюсь пить медленно: растягиваю удовольствие, а заодно и время. Смотрю на Соню — работает, улыбается, постоянно поправляет волосы. Один раз даже поворачивается и дует на непослушную прядь, показывая мне, как это ее раздражает, — смешная!

Устав сидеть без дела, опять иду курить. На площади стало меньше людей. Детских криков почти не слышно. Видимо, все разошлись по домам, ведь завтра начнется последняя рабочая неделя в этом году. Что до меня, так я еще посижу, надеюсь, что посетителей станет меньше. Руки замерзают. Прячу их по очереди в карманы. «Хоть бы попрощаться нормально», — думаю я. Очень не хочется мешать ей, сидя до закрытия, когда она начнет собираться домой. Иначе она точно решит, что я ненормальный.

Соня отдает последние напитки и начинает прибираться в баре. Сажусь рядом с ней, хочу заговорить, но боюсь отвлекать. Вижу, что у Сони веки немного опущены, лицо сонное и уставшее, а голова слегка заваливается набок. Движения

ее стали медленными и тяжелыми. Стоит, прислонившись к барной стойке. Про себя думаю: «У Сони сонное лицо — ну и глупость». Хорошо, что не сказал этого вслух. Время подходит к восьми. Значит, скоро пора будет уходить. А тут так тепло, так спокойно — меня словно прибило к стулу. Делаю последние глотки, верчу в руках пустой стакан.

— Ты как? — спрашиваю невзначай.

— Спать хочется, — говорит Соня, устало улыбаясь. Теперь в ее глазах нет ни хитрости, ни грусти. Сейчас в них такая теплота, что я на секунду теряюсь в пространстве — все вокруг схлопывается, и ничего, кроме ее глаз, я больше не вижу.

— Все решили прийти в один момент?

— Это точно! — смеется Соня.

Начинаю медленно собираться. Встаю на ноги, а они ватные, словно в них песка набили: дрожат и подкашиваются, так что каждый шаг дается мне с большим трудом.

— Мне пора, спокойной ночи! — говорю, а сам думаю: «Ну куда ты, обычный гость в кофейне, лезешь с такими пожеланиями!»

— Спокойной! — как ни в чем не бывало отвечает Соня с улыбкой на лице.

— Удачи на зачете, — говорю, выходя из кофейни, чтобы немного скрасить прошлую глупость.

— Спасибо!

Оказавшись на улице, сразу закуриваю. Площадь совсем

безлюдна, лишь случайные прохожие идут через нее по своим делам. Пусты тротуары и дороги. Надеваю наушники и бреду на остановку. Играет музыка — ничего не слышу. Подхожу к светофору, хочу перейти дорогу на красный, но во время замечаю и останавливаюсь, сделав шаг назад от крайней полосы. Мимо проезжает машина, потом еще одна — смотрю им вслед, словно впервые увидел автомобиль. Мысли в тумане: я даже не думаю, просто перебираю в голове события сегодняшнего дня. Перед глазами лицо Сони, в ушах ее голос — видимо, слишком долго просидел с ней.

Сажусь в пустой автобус. В салоне никого нет, кроме кондуктора. Мчимся по пустым улицам ночного города, останавливаясь только на светофорах. Мимо пролетают фонарные столбы и фасады зданий, оставаясь позади. Сам не заметил, как приехал.

Дворы пятиэтажек, мрачный подъезд — и вот я дома. Мысли никак не выстроятся в ряд, путаясь и теряясь. Думаю, на что бы отвлечься, но мне ничего не хочется. Ложусь на кровать и закрываю глаза. Перед глазами одна за другой летят картинки, и на каждой Соня улыбается или смеется. Стараюсь заснуть, но не могу перестать думать о ней. Мне становится не по себе от этих навязчивых мыслей. «Какая глупость, перестань!» — ругаюсь я, пытаюсь доказать себе, что это все неправильно и ненормально, но стоит мне закрыть глаза — напротив тут же оказываются глаза Сони.

Глава 6

Просыпаюсь в шестом часу утра, в комнате темнота. Рядом лежит телефон с наушниками, из которых все еще играет музыка. Вчерашний день моментально всплывает в памяти. Момент за моментом — в голове складывается полная картина. Сердце начинает бешено стучать. Осознание приходит очень быстро. Мне и стыдно, и радостно одновременно — отвратительное состояние. Лежать на кровати невыносимо тяжело, так что поднимаюсь и иду на балкон.

Морозный воздух ударяет в лицо. За окном самое обычное зимнее утро. В нем нет ничего примечательного, но чувствую, что я его надолго запомню. Синее-серое небо нависает над городом. От трубы котельной поднимается не то пар, не то дым. Две колеи от колес на дороге перед домом, на тротуаре — следы от ботинок. Фонари освещают улицы, в некоторых окнах уже горит свет, в основном на кухнях. Видимо, люди пьют чай перед работой. Стоит тишина, которую изредка нарушает шум машин, доносящийся издалека.

Мне бы еще спать и спать, готовясь к ночной смене, но сна нет ни в одном глазу. Покуриив, завариваю кофе и сажусь за компьютер, листаю соцсети. Включаю музыку. Правда, совсем не слушаю ее — пускай играет на фоне. Смотрю новости, читаю посты, но не могу сосредоточиться ни на чем — все мои мысли только об одном человеке. Меня это пугает.

Мне стыдно за свои ненормальные чувства, но я понимаю, что ничего не могу с ними сделать. Гнать их прочь нет никакого смысла — они возвращаются снова и снова, становясь только сильнее и навязчивее. Меня тянет вернуться в кофейню, только куда я поеду в семь утра? К тому же у Сони сегодня выходной. Нет. Нельзя сходить с ума. Надо думать разумно и вести себя сдержанно. Сейчас у меня только одна проблема: я не могу сидеть на одном месте. Все время поглядываю в окно, ожидая рассвета.

Снова выхожу покурить. Небо стало чуть светлее, чем было час назад. Город ожил: едут машины, люди выходят из подъездов и идут по тротуарам на остановки или к своим автомобилям. Курю одну, а потом и вторую. Все время думаю, что мне теперь делать. Видимо, углекислый газ вместе с никотином душат мозг — точно надо бросать. В голове промелькнула идея: «Может, поговорить с Соней?» — у меня аж ноги подкосило от таких безумно смелых и глупых мыслей. Нет. На такое я не способен. После таких выкрутасов она вообще не захочет меня видеть. Подумает, что я ненормальный, как уж этих людей сейчас называют — «сталкер», кажется. Мне совсем не хочется становиться «сталкером» — это отвратительно, слышал я. Смотрю, как люди идут на работу. Хотел бы я оказаться сейчас на их месте: забыться на смене, таская мешки с мукой или собирая буханки хлеба с конвейера. Жаль, мой рабочий день начнется только через тринадцать часов. Тушу окурок, думая: «Это у них рабочий

день, а у тебя рабочая ночь, придурок», — и кисло улыбаюсь, закрывая окно.

Комнату освещает лишь свет от монитора, рядом с которым стоит пустая кружка. Кровать расправлена, одежда брошена на кресле. К ногам липнет мелкий мусор. Как сюда вообще можно пригласить девушку? «Какую девушку? Ты совсем рехнулся!» — говорит мне голос разума, и я с ним полностью согласен. Нельзя же быть таким слабым и жалким, таким падким на каждую улыбку, путая банальную вежливость с флиртом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.